DOI 10.23683/2415-8852-2017-2-91-110

УДК 811.172;
821.161.1

ИСПОВЕДАЛЬНОСТЬ «РЕКВИЕМА» АННЫ АХМАТОВОЙ В ПЕРЕВОДЕ ЮДИТЫ ВАЙЧЮНАЙТЕ

Алена София Ивинская
аспирант филологического факультета Вильнюсского университета (Вильнюс, Литва)
e-mail: alionaivi@yahoo.com

Аннотация. В статье рассмотрены неизученные или несистематизированные факты и материалы, которые касаются переводов поэзии Анны Ахматовой на литовский язык. В центре внимания автора статьи – перевод поэмы «Реквием», осуществленный поэтессой Юдитой Вайчюнайте. Обозначаются возможные источники текста поэмы, переписанного Вайчюнайте от руки в 1960-е или 1970-е гг. Сравнение двух вариантов перевода «Реквиема», опубликованных Вайчюнайте в 1988 и 1994 гг., позволяют предположить, что она устраняла или ослабляла автобиографическую исповедальную ноту поэмы, усиливая характерную для «Реквиема» сублимацию личного опыта и индивидуального переживания в коллективно-исторический и общечеловеческий опыт и эмоцию. Такая переводческая стратегия сочетается у Вайчюнайте с тенденцией точной трансляции музыкального строя поэмы, в котором в наибольшей степени отражается интимно-исповедальный характер «Реквиема».

Ключевые слова: исповедь, перевод, литовский язык, публикация, самиздат, стратегия перевода.

В современном литовском и русском литературоведении отсутствуют исследования, посвященные переводческой деятельности литовских авторов в поле русской поэзии, в частности в сфере творчества Анны Ахматовой. Возникает необходимость в восстановлении фактической стороны деятельности литовских переводчиков в этой области русской поэзии, а также в детальном анализе разных переводческих стратегий. Предметом рассмотрения с этих точек зрения стали варианты перевода литовской поэтессой Юдитой Вайчюнайте поэмы «Реквием», ỳже – возможности и способы передачи исповедального начала ахматовского текста на литовском языке.

Об исповедальном характере поэмы «Реквием»

Традиции исповеди в литературе и, в частности, мотивы исповедальности в поэме «Реквием» не единожды обсуждались в научных трудах [Василевская; Ибатуллина; Казанский; Уваров]. Исследователи называют «Реквием» самым исповедальным поэтическим циклом Ахматовой.

Исповедь как самостоятельный литературный жанр восходит к двум источникам: к ритуально-бытовой основе – событию церковной исповеди – и к такому явлению, как автобиография, которая имела и свою литературную историю, и развитие в рамках жизненного уклада. В последующей истории жанра произошло его «обмирщение». Но при этом сохранилось важное отличие исповеди от автобиографии, навсегда сблизившее исповедь с церковным действом: «описание внутреннего мира, а не внешней канвы жизни» [Ибатуллина]. По мнению ученых, исповедальность может присутствовать в любом литературном жанре, она «не совместима с формально-жанровыми ограничениями и вольно или невольно разрушает их, гибридизируя канонические жанровые интенции с интенциями исповеди» [там же].

На исповедальный характер «Реквиема» указывает прежде всего заглавие произведения. Музыкальный жанр реквиема близок словесному жанру исповеди тем, что он также представляет собой сплав текстов (словесного и музыкального), в котором сильно религиозное начало (литургическое вербальное и церковное музыкальное). Помимо этого реквием представляет собой самый исповедальный музыкальный жанр: мир человеческих переживаний погружается в минорный контекст, в котором доминируют скорбно-лирические интонации[1].

О связи поэмы Ахматовой с этой музыкальной формой свидетельствуют жизнен-

[1] С учетом этой традиции на протяжении нескольких десятилетий создаются реквиемы, сюиты и кантаты на стихи ахматовской поэмы.

ные обстоятельства: в 1930–1940 гг. Ахматова изучала жизнь и творчество Моцарта, в том числе его “Requiem”: возможно, поэтому совпадает число частей в моцартовском “Requiem” и количество стихотворений в поэме Ахматовой – их 12. Согласно легенде, “Requiem” был создан по заказу незнакомого человека. «Реквием» Ахматовой также написан по просьбе неизвестной, истощенной и изможденной женщины, стоявшей вместе с Ахматовой в тюремной очереди.

История создания поэмы «наполнена интенциями исповедального слова» [Уваров 2006]. Ахматова начала работать над «Реквиемом» в середине 1930-х гг., столкнувшись с арестами Л.Н. Гумилева, Н.Н. Пунина, Б.А. Пильняка, О.Э. Мандельштама и др. Попытки опубликовать поэму на родине пресекались властными структурами даже в «вегетарианские», по выражению Ахматовой, 1960-е гг. Так, в 1968 г. критик Аркадий Белинков «умудрился» процитировать несколько крамольных строк из поэмы в своей скандально знаменитой публикации «Поэт и толстяк» в журнале «Байкал» (1968, № 1), что привело к смене редколлегии журнала и изъятию этого номера из библиотек [Антология самиздата: 82]. В сталинские же годы Ахматова уничтожала рукописи «Реквиема» после того, как прочитывала поэму близким знакомым, в том числе Лидии Чуковской, которая позднее вспоминала об одном из таких чтений:

> «Анна Андреевна, навещая меня, читала мне стихи из “Реквиема” тоже шепотом, а у себя в Фонтанном доме не разрешалось даже на шепот; внезапно, посреди разговора, она умолкала и, показав мне глазами на потолок и стены, брала клочок бумаги и карандаш; потом громко произносило что-нибудь светское: “Хотите чаю?” или “вы очень загорели”, потом исписывала клочок быстрым почерком и протягивала мне. Я прочитывала стихи и, запомнив, молча возвращала их ей. “Нынче такая ранняя осень”, – громко говорила Анна Андреевна и, чиркнув спичкой, сжигала бумагу над пепельницей. Это был ритуал: руки, спичка, пепельница, – обряд прекрасный и горестный» [Чуковская: 13].

Это один из примеров того, как откровенно биографическая поэма Ахматовой оказалась включенной в специфический контекст советского литературного быта, в котором исповедь (не обязательно литературная) могла стоить жизни: «Только у нас в стране уважают поэзию – за нее убивают» [Мандельштам: 187]. Бытовой жест сожжения стихов приобретает черты эстетической жестуальности («ритуал», «обряд прекрасный и горестный»). Ровно так же сама поэма становится эстетическим жестом выражения личного горя жены, матери и подруги. Горе поднято на уровень общего исторического переживания и на уровень философского осмысления, когда исповедь является не столько повествованием о «прожитых днях, тайнах, к которым автор был причастен, но и оценкой

своих действий и поступков, совершенных в прошлом, с учетом того, что оценка эта дается перед лицом Вечности» [Казанский].

«Реквием» аккумулирует в себе личное, социально-историческое и историко-литературное время и пространство, втягивая в свою структуру атрибуты «петербургского текста», библейские мотивы, а также элементы русского народного творчества. Поэма включает в себя разные формы стиха, она многопланова и многогеройна. В ней, как пишет Ж.-Ф. Жаккар, «параллельно развиваются две сюжетные линии, связанные с заключением сына, с одной стороны, и страданиями матери, с другой. Обе линии сливаются в кульминационной сцене распятия, вписывающей судьбу отдельной личности тридцатых годов в контекст универсальных образов Христа и Скорбящей Божьей Матери. Кроме того, “рассказ” обрамлен двойным вступлением и двойным эпилогом, что создает устойчивую симметричную структуру произведения» [Жаккар: 211]. Отмечаемая исследователями особая коммуникативность жанра исповеди, подразумевающая «глубокий контакт сознаний, хотя бы потенциальный» [Ибатуллина], проявляется в некоторой театрализации исповедального слова в ахматовской поэме. В.В. Мусатов обратил внимание на то, что «даже в предельном страдании героиня… ощущает себя под пристальным взглядом зрителей и знает, что ее поведение подлежит оценке и оправданию» [Мусатов: 301].

Интимный характер поэмы (вложенный в нее собственный психологический опыт, личные впечатления и переживания) в сочетании с символикой, отсылающей к текстам Пушкина, Анненского, Блока, Мандельштама (петербургский текст), к евангельским и православным литургическим текстам, а также к самым трагическим моментам текста русской истории (от стрелецкого бунта до сталинских репрессий) и, следовательно, к вопросу о культурной и исторической памяти русского народа – все это делает перевод «Реквиема» на иной язык настоящим вызовом для переводчика. В особенности, если речь идет о стихотворном переводе, претендующем на эстетическое значение. Как известно, такой перевод – самый сложный вид культурной транскрипции, когда достижение полной адекватности принципиально невозможно, но требование точности, как бы оно ни ограничивалось, сохраняет свое значение.

Поэзия Ахматовой в литовских переводах

В разные годы поэзию Ахматовой на литовский язык переводили более 30 литовских поэтов, среди которых немало значимых для литовской литературы авторов. Впервые к ее поэзии обратился в 1915–1916 гг. литовский поэт, драматург, критик, переводчик и публицист Балис Сруога (Balys Sruoga, 1896–1947), склонный к символистскому мироощущению и поэтике [Sruoga: 784]. Его пере-

воды трех стихотворений Ахматовой должны были прозвучать на музыкально-поэтическом вечере в Москве как песни на музыку Сергея Прокофьева в исполнении Паулины Валавичайте (Paulina Valavičaitė)[1]. Что касается послереволюционных лет, то, безусловно, западные окраины советской империи не оказались в счастливом неведении относительно «принудительного молчания» Ахматовой в 1940-е гг. Как известно, «молчание» последовало за Постановлением ЦК ВКП(б) «О журналах "Звезда и Ленинград"» от 14 августа 1946 г. и за жесткими и беспардонными публичными выступлениями одного из главных советских идеологов – А.А. Жданова. Ахматова была названа представительницей «буржуазно-дворянской» поэзии, популяризация которой абсолютно недопустима.

В Литве доклад Жданова был немедленно переведен на литовский язык и распространен тиражом в 10 000 экземпляров[2]. Советская культурная политика проводилась в жизнь Литовской союзной республики не только с помощью имевших законную силу постановлений и указов, явных и неявных предписаний, грубого вмешательства официальной цензуры, но и более тонко – через конформистскую деятельность Союза писателей Литвы, уклончивое поведение редакционных коллегий и т.д. Но для отдельных литовских поэтов обращение к творчеству опальной Ахматовой являлось своеобразной формой протеста, сознательным уходом от реалий советской современности и от навязываемых схем социалистического реализма.

Юдита Вайчюнайте – переводчик лирики и поэм Ахматовой: стратегии публикации

Юдите Вайчюнайте (Judita Vaičiūnaitė, 1937–2001), самому плодовитому транслятору творчества Ахматовой в литовскую культуру, принадлежат переложения более 40 ахматовских стихотворений, а также поэм «Реквием» и «У самого моря». Процесс создания Вайчюнайте новых и совершенствования старых переводов растянулся на 30 с лишним лет.

В отличие от Ахматовой в оригинальной поэзии Вайчюнайте, которую именуют первой литовской городской поэтессой, исповедальное начало отсутствует. Она не склонна к прямому выражению чувства, отдает предпочтение изображению предметного мира, историческим зарисовкам. Вайчюнайте –

[1] П. Валавичайте была членом Московского отделения Центрального комитета Литовского общества по оказанию помощи пострадавшим от войны, учрежденного 4 ноября 1914 г. для оказания помощи беженцам из Литвы. Сведений о том, состоялся ли планируемый вечер, обнаружить не удалось.

[2] См.: [Ždanovas]. Повторное издание вышло в 1954 г.

поэт городского пейзажа и бытовой детали. Для дальнейших рассуждений важно, что многие ее стихотворения построены по законам музыкального произведения: музыкальная тема, музыкальное начало, впечатления от произведения музыкального искусства занимают важное место в ее стихах [Daujotytė: 279–299].

О своем интересе к Ахматовой Вайчюнайте писала так:

> «Анна Ахматова с детства была моим любимым поэтом, стихи ее я читала в оригинале. Когда-то мы с Томасом Венцловой переводили ее, это было удивительное время, Томас Венцлова даже был у нее в гостях. Это великий поэт, меня восхищает обманчивая простота ее классических стихов. "Реквием" я давно уже переписала от руки. Анна Ахматова представляется мне музой, изваянием, такая величественная на многочисленных портретах, а ведь какую лавину страданий ей пришлось вынести! Три сестры, умершие в молодости от чахотки, расстрел мужа поэта Николая Гумилева, заточенный в лагерях сын Лев Гумилев, нищета, унижения, принудительное молчание. Я восхищаюсь таким сильным и эстетичным человеком» [Vaičiūnaitė 2008: 286][1].

Переводы Вайчюнайте были впервые опубликованы в 1964 г. в книге стихотворений Анны Ахматовой, изданной на литовском языке [Achmatova 1964]. Именно эту книгу поэт и переводчик Томас Венцлова (Tomas Venclova) представил Ахматовой в 1965 г.:

> «И вот я опять приехал в Москву, … чтобы подарить Анне Андреевне ее литовскую книжку. Она меня приняла и попросила прочесть что-нибудь из переводов. Я прочел ей одно стихотворение. Она промолчала. Прочел второе стихотворение, и тут она сказала: "Здесь, по-моему, даже интонация ухвачена". В общем, произнесла одну из тех фраз, которые у нее означали: "Пошли бы Вы подальше со своими стихами и переводами". Я ушел совершенно раздавленный. Но, к моему счастью, сразу после меня к Ахматовой пришел известный филолог Вячеслав Всеволодович Иванов, знающий языков пятьдесят, а то и больше, в том числе и литовский язык. Он тут же, на глазах Ахматовой, переводы прочел и даже присовокупил комплименты, которых мои переводы, возможно, и не заслуживали. Тогда мне дали знать, что Ахматова меня приглашает – что я могу к ней прийти и с ней разговаривать, когда этого пожелаю. Она сделала надпись на этой

[1] Ana Achmatova nuo jaunystės buvo mano mylima poetė, skaityta originalo kalba. Kažkada vertėm ją su Tomu Venclova, tai buvo širdies virpėjimo metas, Tomas Venclova netgi yra buvęs pas ją svečiuose. Tai didelė poetė, mane žavi klasikinis apgaulingas jos eilių paprastumas. Ana Achmatova atrodo lyg mūza, lyg statula, tokia didinga gausiuose portretuose, bet kokią kančios laviną jai teko atlaikyti! Trys jaunystėj nuo džiovos mirusios jos seserys, sušaudytas vyras poetas Nikolajus Gumiliovas, lageriuose kankinamas sūnus Levas Gumiliovas, skurdas, pažeminimas, priverstinė tyla. Mane žavi toks stiprus ir estetiškas žmogus". Здесь и далее перевод с литовского мой. – А.С. И.

книжке: “Томашу Венцлова тайные от меня самой мои стихи – благодарная Анна”… Здесь уже присутствовало слово “тайна”, это означало, что она переводы приняла» [Венцлова].

В воспоминаниях Венцловы сказано, что заказ на перевод Ахматовой был получен «по большому блату», и, естественно, выбор текстов был строго регламентирован заказчиками, в данном случае издательством ВАГА (“VAGA”).

В литовский сборник 1964 г. вошло 30 стихотворений в переводах Вайчюнайте, 18 – в переводах Венцловы и одно – в переводе Саломеи Нерис (Salomėja Nėris). Способ вольной или невольной публикации неподцензурных стихотворений Ахматовой в Литве мало чем отличался от их изданий в российском публичном пространстве, когда те или иные фрагменты из «Реквиема» или «Поэмы без героя» печатались в виде самостоятельных произведений. Так, переведенное Ю. Вайчюнайте «третье» Вступление к «Поэме без героя» – «Полно мне леденеть от страха…» – в литовской книге оказалось включенным в цикл «Шиповник цветет» под названием «Лирическое отступление» (“Lyrinis nukrypimas”). [Achmatova 1964: 61]. Стратегия литовской переводчицы была, скорее всего, следующей: удалив из своего перевода первые шесть строк Вступления, Вайчюнайте сделала его «неузнаваемым» для цензуры: литовское «Лирическое отступление» утратило имеющуюся во Вступлении отсылку к сотруднику Британского посольства Исайе Берлину и его «криминальным» встречам с Ахматовой в январе 1945 г.[1] То, что литовская переводчица включила «усеченное» Вступление в цикл любовных стихов, свидетельствует либо о знании Ю. Вайчюнайте адресата и лирического героя этого цикла (того же Берлина), либо о поэтической и переводческой интуиции: мотив «невстречи», пронизывающий «третье» Вступление к «Поэме», – ведущий мотив цикла «Шиповник цветет».

В ахматовский сборник, изданный в Литве, входит и переведенный Вайчюнайте фрагмент из «Реквиема» (заглавие этого фрагмента в составе поэмы – «Приговор») – без названия, датированный 1934 г. Исследователи расходятся во мнении, когда же в действительности был написан «Приговор» и о чьем приговоре (Н.Н. Пунину? Л.Н. Гумилеву?) идет речь. В советских первопубликациях (журнал «Звезда» и сборник «Из шести книг», 1940), а также в нью-йоркской публикации избранных стихотворений Ахматовой [Ахматова 1952][2] сти-

[1] Ахматова была уверена, что эти встречи повлекли за собою партийное Постановление о журналах «Звезда» и «Ленинград», исключившее ее из поля русской литературы, а также новый арест сына.

[2] См. подробнее в исследовании Р. Тименчика: [Тименчик 2014: 472]. Тименчик указывает также на то, что в несостоявшемся (неизданном) однотомнике «опальной» Ахматовой, подготовленном Ленинградским отделением Госиздата в 1940 г., это стихотворение было набрано с датой 1938 г. [там же: 181].

хотворение датировано 1934 г.; в более поздних изданиях (московском «Беге времени», 1965, и ленинградском «Стихотворения и поэмы», 1977) указывается дата 22 июня 1939 г., но стихотворение также не имеет названия.

Рисковала ли Вайчюнайте, не раз страдавшая от цензуры (были запрещены ее поэтические сборники, не печатались переводы, она потеряла работу после отказа от членства в ВЛКСМ) [Vaičiūnaitė 1992: 194–197], когда включала отрывок из «Реквиема» в сборник переводов 1964 г.? Судя по тому, что «обезглавленный» «Приговор» свободно публиковался в указанных выше советских изданиях, не рисковала: стихотворение воспринималось и цензурой, и даже близкими Ахматовой людьми в контексте ее любовной лирики. Известны воспоминания Виктора Кривулина [Кривулин] и дневниковые записи Юлиана Оксмана – слушателей «цикла политических стихов»: они выражали свое недоумение комментариями Ахматовой, утверждавшей, что «никакого отношения к любовной лирике эти стихи не имели никогда» [Оксман: 643].

“Requiem” Ю. Вайчюнайте: знакомство с ахматовским текстом и история его перевода

Перевод «Реквиема» был завершен Вайчюнайте в 1988 г. и тогда же опубликован в альманахе «Атодангос’88» (“Atodangos’88”) наряду с переводами «Превращения» Ф. Кафки, «Четырех квартетов» Т.С. Элиота и «Собачьим сердцем» М. Булгакова, т.е., с ранее запрещенными или чуждыми по эстетическим установкам текстами. Затем, с некоторыми изменениями, перевод был напечатан в сборнике поэзии Ахматовой на литовском языке «Шиповник цветет» (“Erškėtis žydi”, 1994) и включен в посмертно изданное трехтомное «Собрание сочинений» Юдиты Вайчюнайте 2000-х гг. [Vaičiūnaitė 2007: 340–348].

Вопрос, откуда литовская переводчица могла получить текст «Реквиема», который «она *давно* переписала от руки», остается открытым[1]. Возможно, она имела дело с самиздатовскими списками поэмы. Наталья Горбаневскя вспоминала:

> «К 1964 году “Реквием” распространялся в самиздате уже больше года – с декабря 62-го: Анна Андреевна позволила его переписывать после появления в “Новом мире” “Одного дня Ивана Денисовича” и после того, как сама отдала в “Новый мир” “Реквием”, который, как она справедливо считала, из редакции тут же начал расходиться, хоть и не был напечатан. <...> От меня одной в течение зимы–весны 1963 года… разошлось не менее сотни экземпляров… По моей оценке, уже в течение 1963 года самиздатский тираж “Реквиема” исчислялся тысячами» [Горбаневская: 241].

[1] Реквием» (впервые в полном виде) появился в открытой печати лишь в 1987 г. в журналах «Октябрь» № 3 и «Нева» № 6.

Можно также предположить, что у Вайчюнайте была возможность ознакомиться с мюнхенским изданием «Реквиема» 1963 г. или с изданием поэмы в журнале «Грани» 1964 г.[1], так как в ее окружение входили люди, бывавшие за границей – например, Томас Венцлова. В связи с этим заметим, что в мюнхенском издании и в ходивших по рукам списках поэмы есть разночтения.

Так, в авторизованных списках, взятых за основу публикации «Реквиема» в «Собрании сочинений» Ахматовой 1990 г., 28-я строка исповедально-завещательных стихов «Эпилога» звучит так: «И если зажмут мой измученный рот, / Которым кричит стомильонный народ, / Пусть так же они поминают меня / *В канун моего поминального дня*» [Ахматова 1990: 202[2]] (курсив мой. – *А.С. И.*). Аналогично выглядят эти стихи и в мюнхенских изданиях 1963 и 1969 гг. [Ахматова 1969: 20]. Но из самиздатовских списков поэмы известен иной, более ранний, автограф этих стихов: «И пусть они поминают меня в канун моего *погребального* дня» (404) (курсив мой. – *А.С. И.*)[3]. В переводе Вайчюнайте фигурирует именно этот, ранний, вариант: „Kai varpas man muš pakasynų dienos“ (букв. пер.: «Когда колокол пробьет день моего погребения») [Achmatova 1988: 79]. Ахматоведы, анализируя поэму, предпочитают иметь дело именно с этим вариантом 28-й строки «Эпилога», так как она бежит тавтологии с предыдущей строкой и являет собой компонент важной для Ахматовой темы посмертной памяти, которая сопровождает заявленную в этой же части «Эпилога» тему поминальной молитвы. В случае же с Вайчюнайте обращение к раннему варианту является, возможно, доказательством того, что текст «Реквиема» был доступен литовской поэтессе в одном из ранних (до 1962 г.) самиздатовских его вариантов.

Обратимся к еще одному разночтению. Эпиграф к главке «Распятие» в относитель-

[1] Текст «Реквиема» был передан за границу в начале 1963 г. московским литературоведом Ю.Г. Оксманом (рукопись вывезла молодая американская славистка Кэтрин Беливо Фойер, стажировавшаяся в Москве) и опубликован эмигрантским литературоведом Глебом Струве [Ахматова 1964: 11–19]. Отдельным изданием поэма вышла в Мюнхене в издательстве «Товарищество Зарубежных Писателей» в 1963 г. (изд. 2-е, исправл. автором, с послесл. Г. Струве – в 1969 г. [Ахматова 1969]).

[2] Далее текст поэмы цитируется по этому изданию с указанием страницы в круглых скобках.

[3] Старший научный сотрудник отдела рукописей РНБ Н. Крайнева сетует: «Большая проблема для текстологов и биографов – разночтения в ахматовских оригиналах, ее собственные правки, вставки, варианты. Например, “Реквием” был записан впервые на бумаге только осенью 1962 года. Вот, в частности, варианты автографов: – “И пусть они поминают меня в канун моего погребального дня” – “И пусть они поминают меня в канун моего поминального дня“; “Постылая хлюпала дверь”– “Постылая хлопала дверь”» [Шервуд].

но ранних самиздатовских списках (а также в мюнхенских изданиях 1963 и 1969 гг. и в публикации в журнале «Октябрь» в 1987 г.) звучал следующим образом: «Не рыдай мене, мати, во гробе сущу». В последние годы жизни Ахматова исправила этот текст на более близкий к каноническому: «Не рыдай Мене, Мати, во гробе зрящи»[1], который сейчас и республикуется. В переводе Вайчюнайте опять-таки отражен ранний эпиграф самиздатовских списков: "Neraudok manęs, motina, grabe gulinčio" («Не рыдай меня, мать, в гробу лежащего») [Achmatova 1988: 78].

Итак, с большой долей вероятности можно утверждать, что Вайчюнайте пользовалась одним из самиздатовских списков «Реквиема», копию которого она изготовила собственноручно.

"Requiem" Ю. Вайчюнайте: стратегии перевода

Представляется, что Вайчюнайте, знакомая с поэзией Ахматовой с молодых лет и, следовательно, имевшая в той или иной степени представление о проблемном, тематическом, образном и эмоциональном диапазоне лирики русской поэтессы, прекрасно понимала многослойность «Реквиема». Лирическая героиня поэмы предстает субъективным носителем коллективной трагедии и (национальной) исторической памяти. Одновременно изображенный Ахматовой комплекс личных поступков, состояний и эмоций в рамках опыта определенного общества в определенное время выходит за пределы этого опыта в сферу сложности переживаний человеческого бытия вообще. Т.е. Ахматова выходит за пределы личной и национальной трагедии, раздвигая временные и пространственные границы в сторону экзистенциальных констант – сокрушения природных и нравственных законов, человеческого одиночества, безумия, унижения, вины, раскаяния, смертности и т.д.

На наш взгляд, Вайчюнайте стремилась передать наиболее полно как раз это движение субъекта поэмы к «границе личности», к «тому пределу, где ее сознание пересекается с бытием» [Бройтман: 271], как социально-историческим, так и вневременным, внеисторическим. Автобиографическую подоплеку исповедальности «Реквиема» Вайчюнайте передала не полностью, не придавая большого значения деталям и не сожалея, по-видимому, о частичной утрате связей основной темы текста с личной трагедией Ахматовой.

Так, например, симптомом ослабления авторской личностной интонации может послужить перевод стихов «Посвящения»: «Для кого-то веет ветер свежий, / Для кого-то нежится закат – / Мы не знаем, мы повсю-

[1] В ирмосе 9-й песни канона Великой субботы: «Не рыдай Мене, Мати, зрящи во гробе...».

ду те же, / Слышим лишь ключей постылый скрежет / Да шаги тяжелые солдат» (197). Эти стихи поэтически преображают относительно узкий круг реалий – речь идет об общей судьбе тех, кто томится в тюремных очередях и сосредоточен на судьбе арестованных родных и близких. В трансляции Вайчюнайте эта ситуация (благодаря избранному ею для перевода причастию *suvienodėję,* лишенному признаков рода, числа и падежа, и утрате при переводе указания на конкретный локус – ахматовское *повсюду* [в тюремных очередях]) приобретает расширительный смысл потери идентичности: "Mes nežinom, mes suvienodėję" (букв. пер.: «Мы не знаем, мы сделались одинаковыми/обезличились») [Achmatova 1988: 74]. Точно так же временная конкретность Ахматовой в строках «Где теперь невольные подруги / Двух моих осатанелых лет?» (197)[1] транслируется неопределенным "Kur dabar tos priverstinės draugės / Šito meto žveriškų kančių" (букв. пер.: «Где теперь те невольные подруги / Этого времени зверских мук») [Achmatova 1988: 76]. Еще один пример высвобождения Вайчюнайте от автобиографической временной определенности – перевод стихов «Семнадцать месяцев кричу, / Зову тебя домой, / Кидалась в ноги палачу, / Ты сын и ужас мой» (199). Точный счет месяцев с момента ареста сына до вынесения ему приговора уступил место словосочетанию «столько месяцев»: "Tiek mėnesių klykiu aš tau, / Šaukiu namo nakčia, / Po kojom budeliui kritau, / Sūnus tu ir kančia" (букв. пер.: «Столько месяцев кричу я тебе, / Зову в ночи домой, / В ноги пала палачу, / Ты <мой>сын и <моя>мука») [Vaičiūnaitė 2007: 343].

Эту стратегию устранения/ослабления автобиографической исповедальности нельзя признать случайной, так как во второй редакции перевода [Achmatova 1994: 133–151] она усилилась. К примеру, во втором стихотворении поэмы, датированном 1938 г., есть строки: «Эта женщина больна, / Эта женщина одна. / Муж в могиле, сын в тюрьме, / Помолитесь обо мне» (198). В.В. Мусатов отмечает «биографические нестыковки» этого стихотворения, связанные с образом «мужа»: в 1938 г. Н.Н. Пунин был жив и до его смерти в лагере оставалось целых пятнадцать лет. Поэтому «мужа в могиле» осведомленный читатель мог идентифицировать с уже расстрелянным Н.С. Гумилевым. Подобного рода противоречия исследователь связывает с «символически обобщенным характером» изображаемой ситуации [Мусатов: 297], в которой, отметим мы, есть все-таки конкретная исповедальная деталь – нездоровье Ахматовой. О своих недугах она писала еще в ноябре 1935 г. Сталину в связи с арестом Пунина и Льва Гу-

[1] Речь идет о годах – с 10 марта 1938 г. по июль 1939 г. – второго ареста и осуждения Льва Гумилева (404).

милева[1]. В первой редакции литовского перевода (1988 г.) Вайчюнайте сохраняет эту немаловажную деталь: "Toji moteris liūdna, / Toji moteris viena, / Vyras žemėje, sūnus už grotų, / Pasimelskit už mane *ligotą*" (букв. пер.: «Эта женщина грустна, / Эта женщина одна, / Сидит ее сын, а муж под землей, / Помолитесь за меня, *больную*» [Vaičiūnaitė 1988: 76] (курсив мой. – *А.С. И.*). В двух последующих вариантах перевода (1994 и 2007 гг.) двойник лирической героини теряет характеристику *больна*: "Toji moteris liūdna, / Toji moteris viena, / Sėdo jos sūnus, o vyras po žeme, / Pasimelskit už mane" [Vaičiūnaitė 2007: 342].

Между тем значимость «болезненной» детали в поэме объясняется не только жизненной реальностью, но и блоковским подтекстом второго стихотворения «Реквиема», отмеченным Р.Д. Тименчиком [Тименчик 1994: 215–216], В.В. Мусатовым [Мусатов: 297–300], С.Д. Бурдиной [Бурдина: 62–63]. Строфа-завещание русского воина перед Куликовской битвой из цикла А.А. Блока «На поле Куликовом»: «Я – не первый воин, не последний, / Долго будет *родина больна*. / Помяни ж за раннею обедней / Мила друга, светлая жена!» [Блок: 250] (курсив мой. – *А.С. И.*) была прочитана Львом Гумилевым во время свидания с матерью в московской тюрьме осенью 1938 г. Произнесенные на свидании стихи были одновременно и цитатой из Блока, и цитатой из отца Льва Гумилева: на обороте фронтовой фотокарточки, присланной Н.С. Гумилевым с фронта в 1914 г., записана именно эта блоковская строфа. Таким образом, в семантическом пространстве второго стихотворения «Реквиема» сливаются голоса и культурные образы нескольких поэтов, обозначая тем самым «истинный масштаб созданного Ахматовой обобщения» [Бурдина: 63]. Впрочем, импликации культурного плана, не учтенные при переводе оригинала, – распространенное явление в переводческой практике. Иное дело, что Вайчюнайте отказалась от важного функционального элемента образной системы всей поэмы, потому что мотив больной/обезумевшей от горя жены и матери является сквозным в тексте «Реквиема».

Но приведем другой пример, который, наоборот, свидетельствует о том, как отступление от «буквы» оригинала продиктовано вниманием к развитию важного сюжета всего «Реквиема». У Ахматовой название тюрьмы «Кресты», символически переосмысляемое в 6-м и 10-м стихотворениях поэмы, в 4-м стихотворном фрагменте обладает конкретикой городского пейзажа, обозначая место действия: «Как трехсотая, с передачею,

[1] В письме-просьбе об освобождении мужа и сына Ахматова писала: «В Ленинграде я живу очень уединенно и часто подолгу болею. Арест двух единственно близких мне людей наносит мне такой удар, который я уже не могу перенести» (цит. по: [Черных: 290]).

/ Под Крестами будешь стоять…» (198). В первой редакции перевода (1988 г.) Вайчюнайте сохранила написание «Кресты» с прописной буквы как имени собственного, но в изданиях 1994 и 2007 гг. она публикует слово «кресты» со строчной буквы. Тем самым переводчица прокладывает путь к возникающим позднее (в 6-м и 10-м стихотворениях поэмы) вариациям не реального трагического сюжета, а культурного (евангельского) – Вайчюнайте ведет литовского читателя по пути мотива распятия (жертвы) и «страстей Богородицы».

При этом на остальных уровнях структуры своего перевода Вайчюнайте стремится к точности: она пытается адекватно воспроизвести композицию и музыкальный строй ахматовского стиха, подчеркивающий его интимно-исповедальный характер. Так, рассмотренное выше второе стихотворение «Реквиема» воспроизводит мелодику фольклорных колыбельных песен: «Тихо льется тихий Дон, / Желтый месяц входит в дом» (198). Вайчюнайте нашла подходящий мелодический аналог в литовском языке, сохранив ахматовскую звукопись: “Tykiai teka lėtas Donas, / Mėnuo į namus geltonas” [Achmatova 1988: 75]. Или, например, в «Эпилоге»: «Опять поминальный приблизился час, / Я вижу, я слышу, я чувствую вас: / И ту, что едва до окна довели, / И ту, что родимой не топчет земли, / И ту, что красивой тряхнув головой, / Сказала: “Сюда прихожу, как домой”» (202). В переводе сохраняется музыкальность оригинала: “Jau išmuša vėl atminų valanda. / Regiu jus, girdžiu jus, jaučiu kaip tada: / Ir tą, kur nepasiekė lango pati, / Ir tą, kurios žingsniai seniai užmiršti, / Ir tą, tokią gražią, didingu mostu / Pasakiusią: *Čia lyg namo sugrįžtu*” [Achmatova 1988: 79].

Подведем итоги. В переводе Ю. Вайчюнайте «Реквиема» очевидна тенденция уклонения от точной передачи разнообразных граней ахматовского личного опыта, воплощенного в поэме. Переводчица «жертвует» в отдельных случаях личной исповедальной эмоцией автора оригинала для выражения в литовском тексте социально-исторического и, более всего, общечеловеческого содержания. При этом ахматовское претворение личного опыта в коллективно-исторический, которое акцентирует Вайчюнайте, позволяет ей адаптировать индивидуальное ахматовской исповеди к не менее драматическому коллективно-историческому опыту и памяти литовской интеллигенции.

Литература

Антология самиздата. Неподцензурная литература в СССР. 1950-е – 1980-е. В 3 тт. Т. 1. Кн. 1. До 1966 г. / Под общей ред. В.В. Игрунова. М.: Междунар. институт гуманитарно-политических исследований, 2005.

Ахматова, А. Избранные стихотворения. Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1952.

Ахматова, А. Бег времени. М. – Л.: Советский писатель, 1965.

Ахматова, А. Реквием. Цикл стихотворений // Грани. 1964. № 56. С. 11–19.

Ахматова, А. Реквием. 1935–1940. Изд. 2-е, исправл. автором с послесл. Г. Струве. Мюнхен: Товарищество Зарубежных Писателей, 1969.

Ахматова, А. Стихотворения и поэмы. Л.: Советский писатель, 1977.

Ахматова, А.А. Сочинения в 2-х т. Т. 1. М.: Правда, 1990.

Блок, А.А. Собр. сочинений в 8 тт. Т. 3. М.-Л.: Худож. литература, 1960.

Бройтман, С.Н. Историческая поэтика. М.: РГГУ, 2001.

Бурдина, С.В. Парадоксы хронотопа в «Реквиеме» А. Ахматовой. [Электронный ресурс] // Вестник Пермского ун-та, 2009. Вып. 6. С. 60–65. URL: http://rfp.psu.ru/archive/6.2009/burdina.pdf (дата обращения 2017.01.26).

Венцлова, Т. Воспоминания об Анне Ахматовой: Выступление на вечере поэзии Томаса Венцловы в музее Анны Ахматовой 18 мая 1995 г. [Электронный ресурс] // Анна Ахматова: последние годы. Рассказывают Виктор Кривулин, Владимир Муравьев, Томас Венцлова. / Сост., коммент. О.Е. Рубинчик. СПб.: Невский диалект, 2001. URL: http://ahmatova.niv.ru/ahmatova/vospominaniya/venclova-vospominaniya-ob-ahmatovoj.htm (дата обращения: 26.01.2017).

Василевская, О. «...Под звон тюремных ключей»: «Реквием» Анны Ахматовой: из истории создания и издания [Электронный ресурс] // Наше наследие 2012. № 102. URL: http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/10214.php (дата обращения: 29.03.2017).

Горбаневская, Н. Ее голос // Ахматовский сборник. Вып. 1 / Сост. С. Дедюлин и Г. Суперфин. Париж: Институт славяноведения, 1989. С. 233–243.

Ерохина, И. «Тройное дно» Эпилога «Реквиема» Анны Ахматовой: смысломоделирующая функция реминисценций // «...Как в прошедшем грядущее зреет»: Полувековая парадигма поэтики Серебряного века. Сб. статей. М.: Азбуковник, 2012. С. 228–250.

Жаккар, Ж.- Ф. «И течет великая река»: заметки о «Реквиеме» Анны Ахматовой // «... Как в прошедшем грядущее зреет»: Полувековая парадигма поэтики Серебряного века. Сб. статей. М.: Азбуковник, 2012. С. 211–227.

Ибатуллина, Г. Исповедальное слово и экзистенциальный «стиль» [Электронный ресурс], 2005. URL: http://portalus.ru/modules/philosophy/rus_readme.php/?subaction=showfull&id=1108110880&archive=0215&start_from=&ucat=1& (дата обращения: 25.02.2017).

Казанский, Н. Исповедь как литературный жанр [Электронный ресурс] // Вестник истории, литературы, искусства. М.: Собрание, 2009. URL: http://www.krotov.info/libr_min/10_y/az/ansky_01.htm (дата обращения: 25.02.2017).

Кривулин, В.Б. Воспоминания об Анне Ахматовой. [Электронный ресурс] // Анна Ахматова: последние годы. Рассказывают

Виктор Кривулин, Владимир Муравьев, Томас Венцлова. / Сост., коммент. О.Е. Рубинчик. СПб.: Невский диалект, 2001. URL: http://ahmatova.niv.ru/ahmatova/vospominaniya/krivulin-vospominaniya/stranica-2.htm (дата обращения: 26.01.2017).

Мандельштам, Н.Я. Воспоминания. Кн. 1 / Подгот. текста Ю. Л. Фрейдина; примеч. А.А. Морозова. М.: Согласие, 1999.

Мусатов, В.В. «В то время я гостила на земле…». Лирика Анны Ахматовой. М.: Словари.ру, 2007.

Оксман, Ю. Г. Из дневника, которого я не веду // Воспоминания об Анне Ахматовой. М.: Советский писатель, 1991. С. 640–647.

Тименчик, Р. К генезису ахматовского «Реквиема» // Новое литературное обозрение. 1994. № 8. С. 215–216.

Тименчик, Р. Ахматова в 60-е годы. В 2 тт. Т. 2. М.: Мосты культуры / Гешарим, 2014.

Уваров, М.С. Архитектоника исповедального слова. СПб.: Алетейя, 1998.

Уваров, М.С. «Реквием» А. А. Ахматовой в пространстве и времени Петербурга [Электронный ресурс], 2006. URL: http://anthropology.ru/ru/text/uvarov-ms/rekviem-aa-ahmatovoy-v-prostranstve-i-vremeni-peterburga (дата обращения: 26.03.2017).

Черных, В.А. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. 1889–1966. М.: Индрик, 2008.

Чуковская, Л.К. Записки об Анне Ахматовой. В 3 тт. Т. 1. 1938–1941. М.: Согласие, 1997.

Шервуд, О. Бездна шепотов и звонов [Электронный ресурс] // Санкт-Петербургские ведомости. Вып. № 138. 29.07.2009. URL: http://old.spbvedomosti.ru/article.htm?id=10260002@SV_Articles (дата обращения: 26.03.2017).

Achmatova, A. (1964). *Poezija*. Vilnius: Vaga.

Achmatova, A. (1988). Requiem. In Vertė J. Vaičiūnaitė, *Atodangos*. *Vertimų almanachas*. Vilnius: Periodika, 74–80.

Achmatova, A. (1994). *Erškėtis žydi*. Vilnius: Vyturys.

Daujotytė, V. (1987). *Lyrikos būtis*. Vilnius: Vaga.

Sruoga, B. (1998). *Raštai. Penktas tomas*. Pirma knyga: Vertimai. Vilnius: Alma Littera.

Vaičiūnaitė, J. (1992). Žvaigždė ant plonyčio stiebo. In A. Sabonis, S. Sabonis (Eds.), *Rašytojas ir cenzūra: straipsnių ir dokumentų rinkinys*. Vilnius: Vaga, 194–197.

Vaičiūnaitė, J. (2007). *Raštai*. II tomas. Vilnius: Gimtasis žodis.

Vaičiūnaitė, J. (2008). *Raštai*. III tomas. Vilnius: Gimtasis žodis.

Ždanovas, A. (1946). *Pranešimas apie žurnalus "Zvezda" ir "Leningradas": partinio aktyvo ir rašytojų susirinkime Leningrade*. Vilnius: "Tiesos" leidykla.

References

Akhmatova, A. (1952). *Izbrannyye stikhotvoreniya* [Selected poems]. New York: Chekhov Publ.

Achmatova, A. (1964). *Poezija* [Poetry]. Vilnius: Vaga.

Akhmatova, A. (1965). *Beg vremeni* [The Flight of time]. Moscow-Leningrad: Sovetskiy pisatel'.

Akhmatova, A. (1969). *Rekviyem 1935-1940* [Requiem 1935-1940]. In G. Struve (Ed.) (2nd ed.). Munich: Tovarishchestvo Zarubezhnykh Pisateley.

Akhmatova, A. (1977). *Stikhotvoreniya i poemy* [Poems]. Leningrad: Sovetskiy pisatel'.

Achmatova, A. (1988). Requiem. In Vertė J.Vaičiūnaitė, *Atodangos. Vertimų almanachas.* Vilnius: Periodika, 74–80.

Akhmatova, A.A. (1990). *Sochineniya v dvukh tomakh* [Essays in two volumes] (Vol. 1). Moscow: Pravda.

Achmatova, A. (1994). *Erškėtis žydi* [Dog-rose in bloom]. Vilnius: Vyturys.

Antologiya samizdata. Nepodtsenzurnaya literatura v SSSR. 1950-e - 1980-e. (2005). [An anthology of self-published book. Uncensored literature in the USSR. 1950s-1980s.] (In 3 Vol. Vol. 1. Book 1. To 1966). In V. Igrunov (Ed.). Moscow: Institute for Humanities and Political Studies.

Blok, A.A. (1960). *Sobraniye sochineniy v 8 t.* [Collected works in 8 vol.] (Vol. 3). Moscow-Leningrad: Khudozhestvennaya literatura.

Broytman, S.N. (2001). *Istoricheskaya poetika* [Historical poetics]. Moscow: RGGU.

Burdina, S.V. (2009). Paradoksy khronotopa v "Rekviyeme" A. Akhmatovoy [Paradoxes of the chronotope in the Requiem by A. Akhmatova]. *Vestnik Permskogo universiteta* [Bulletin of Perm University] (Vol. 6), 60-65. Retrieved from: http://rfp.psu.ru/archive/6.2009/burdina.pdf (date of access: 26.01.2017).

Chernykh, V.A. (2008). *Letopis' zhizni i tvorchestva Anny Akhmatovoy* [The life and works of Anna Akhmatova (A Chronology)]. 1889–1966. Moscow: Indrik.

Chukovskaya, L.K. (1997). *Zapiski ob Anne Akhmatovoy* [Notes about Anna Akhmatova] (In 3 Vol., Vol. 1). 1938-1941. Moscow: Soglasiye.

Daujotytė, V. (1987). *Lyrikos būtis* [Lyrical existence]. Vilnius: Vaga.

Erokhina, I. (2012). "Troynoye dno" Epiloga "Rekviyema" Anny Akhmatovoy: smyslomodeliruyushchaya funktsiya reministsentsiy [Anna Akhmatova Requiem triple base epilogue]. In: "*...Kak v proshedshem gryadushcheye zreyet": Poluvekovaya paradigma poetiki Serebryanogo veka* [How the future is forming in the past: the half-century paradigm of the poetics of the Silver Age]. Moscow: Azbukovnik, 228–250.

Gorbanevskaya, N. (1989). Eye golos [Her voice]. In: S. Dedyulin & G. Superfin (Eds.), *Akhmatovskiy sbornik*. Tom I [Akhmatova collection] (Vol. I). Paris: Institut e for Slavic Studies, 233–243.

Ibatullina, G. (2005). *Ispovedal'noye slovo i ekzistentsial'nyy "stil'"* [The confessional word and the existential "style"]. Retrieved from: http://portalus.ru/modules/philosophy/rus_readme.php/?subaction=showfull&id=110811088

0&archive=0215&start_from=&ucat=1& (date of access: 25.02.2017).

Kazanskiy, N. (2009). Ispoved' kak literaturnyy zhanr [Confession as a literary genre]. *Vestnik Istorii, Literatury, Iskusstva* [Herald of History, Literature and Art]. Moscow: Sobraniye. Retrieved from: http://www.krotov.info/libr_min/10_y/az/ansky_01.htm (date of access: 25.02.2017).

Krivulin, V.B. (2001). Vospominaniya ob Anne Akhmatovoy [Memories of Anna Akhmatova]. In O. E. Rubinchik (Ed.), *Anna Akhmatova: posledniye gody. Rasskazyvayut Viktor Krivulin, Vladimir Murav'yev, Tomas Ventslova* [Anna Akhmatova: last years. Discussed by Victor Krivulin, Vladimir Muravyov, Thomas Venclova]. Saint Petersburg: Nevskiy dialect. Retrieved from: http://ahmatova.niv.ru/ahmatova/vospominaniya/krivulin-vospominaniya/stranica-2.htm (date of access: 26.01.2017).

Mandel'shtam, N.Ya. (1999). *Vospominaniya* [Memories] (Vol.1). Moscow: Soglasiye.

Musatov V. V. (2007). "*V to vremya ya gostila na zemle*…". *Lirika Anny Akhmatovoy* [Then, at the time, I was a guest on earth… . Anna Akhmatova's lyrics]. Moscow: Slovari.ru.

Oksman, Yu.G. (1991). Iz dnevnika, kotorogo ya ne vedu [From my nonexistent diary]. In *Vospominaniya ob Anne Akhmatovoy* [Memories about Anna Akhmatova]. Moscow: Sovetskiy pisatel', 640–647.

Shervud, O. (2009, July 29). Bezdna shepotov i zvonov [Abyss of whispers and bells]. *Sankt-Peterburgskiye Vedomosti* [Saint Petersburg Journal], 138. Retrieved from: http://old.spbvedomosti.ru/article.htm?id=10260002@SV_Articles (date of access: 26.03.2017).

Sruoga, B. (1998). *Raštai*. Penktas tomas. Pirma knyga: Vertimai. [Works (Vol 5). First book: Translations]. Vilnius: Alma Littera.

Timenchik, R. (1994). K genezisu akhmatovskogo "Rekviyema" [To the genesis of Requiem by Akhmatova]. *Novoye Literaturnoye Obozreniye*, 8, 215–216.

Timenchik, R. (2014). *Akhmatova v 60-e gody. V* dvukh tomakh [Akhmatova in the 60's. In two volumes] (Vol. 2). Moscow: Mosty kul'tury, Gesharim.

Uvarov, M.S. (2006). "*Rekviyem*" *A.A. Akhmatovoy v prostranstve i vremeni Peterburga* ["Requiem" by A.A. Akhmatova in the space and time of Petersburg]. Retrieved from: http://anthropology.ru/ru/text/uvarov-ms/rekviem-aa-ahmatovoy-v-prostranstve-i-vremeni-peterburga (date of access: 26.03.2017).

Uvarov, M.S. (1998). *Arkhitektonika ispovedal'nogo slova* [Architectonics of the confessional word]. Saint Petersburg: Aleteyya.

Vaičiūnaiė, J. (1992). Žvaigždė ant plonyčio stiebo [Star on a thin pole]. In A. Sabonis, S. Sabonis (Eds.), *Rašytojas ir cenzūra: straipsnių ir dokumentų rinkinys* [Writer and censorship: collection of articles and documents]. Vilnius: Vaga, 194–197.

Vaičiūnaitė, J. (2007). *Raštai*. II tomas [Works. Vol 2.] Vilnius: Gimtasis žodis.

Vaičiūnaitė, J. (2008). *Raštai*. III tomas [Works. Vol 3.] Vilnius: Gimtasis žodis.

Vasilevskaya, O. (2012). "...Pod zvon tyuremnykh klyuchey": «Rekviyem» Anny Akhmatovoy: iz istorii sozdaniya i izdaniya [By the ring of prison keys: Requiem by Anna Akhmatova: from the history of the publication]. *Nashe Naslediye* [Our Heritage], 102. Retrieved from: http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/10214.php (date of accsess: 29.03.2017).

Ventslova, T. (2001). Vospominaniya ob Anne Akhmatovoy: Vystupleniye na vechere poezii Tomasa Ventslovy v muzeye Anny Akhmatovoy 18 maya 1995 g. [Memories of Anna Akhmatova: Speech at the Evening of Thomas Venclova's Poetry in the Anna Akhmatova Museum on May 18, 1995]. In O.E. Rubinchik (Ed.), *Anna Akhmatova: posledniye gody. Rasskazyvayut Viktor Krivulin, Vladimir Murav'yev, Tomas Ventslova* [Anna Akhmatova: last years. Discussed by Victor Krivulin, Vladimir Muravyov, Thomas Venclova]. Saint Petersburg: Nevskiy dialect. Retrieved from: http://ahmatova.niv.ru/ahmatova/vospominaniya/venclova-vospominaniya-ob-ahmatovoj.htm (date of access: 26.01.2017).

Ždanovas, A. (1946). *Pranešimas apie žurnalus "Zvezda" ir "Leningradas": partinio aktyvo ir rašytojų susirinkime Leningrade* [Report about journals "Zvezda" and "Leningrad": the party activists and writers meeting in Leningrad]. Vilnius: Tiesos leidykla.

CONFESSIONALITY OF "REQUIEM" BY A. AKHMATOVA IN THE TRANSLATION OF JUDITA VAIČIŪNAITĖ

Aliona Sofija Ivinskaja, Postgraduate Student at Vilnius University (Vilnius, Lithuania);
e-mail: alionaivi@yahoo.com

Abstract. The article focuses on the translation of Akhmatova's "Requiem" by Lithuanian poet Judita Vaičiūnaitė. Comparison of the two variants of the "Requiem" translation, published in 1988 and 1994, suggests that Vaičiūnaitė eliminated or weakened the autobiographical confessional note of the poem, reinforcing the sublimation of personal experience into the collective historical and universal experience, and emotion. Judita Vaičiūnaitė combines this translational strategy with the tendency towards an accurate translation of the musical structure of the poem, in which the intimate and confessional character of Requiem is reflected to the greatest degree.

Key words: confession, translation, Lithuanian language, publication, self-published, translation strategy.